

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-101-115

ФРАНЦИЯ И ВОПРОСЫ РАЗОРУЖЕНИЯ (1958–1974 ГГ.)

Осипов Е.А.*Институт всеобщей истории Российской академии наук
119334, Москва, Ленинский проспект, 32а*

Аннотация. Анализ эволюции французской политики в вопросах сокращения вооружений в период президентства Шарля де Голля и Жоржа Помпиду проведен на основе материалов архива Министерства иностранных дел Франции (большая часть из которых не введена в научный оборот ни в российской, ни в зарубежной историографии). В статье показаны причины и особенности проведения Парижем особой политики в области разоружения. Исследование подтверждает, что позиция Франции, отказавшейся от участия во всех крупных проектах по сокращению вооружений в рассматриваемый период, объяснялась отличным от СССР и США пониманием сущности «разрядки» и проблем разоружения. Так, для Москвы и Вашингтона «разрядка» означала закрепление сложившегося после Второй мировой войны статус-кво, а сокращение вооружений, соответственно, неизменно планировалось на сбалансированной и блоковой основе. Франция, напротив, стремилась к преодолению «ялтинской системы» международных отношений, и отвергла советско-американские инициативы по сокращению вооружений из-за их биполярного характера. Сделанные выводы актуальны не только для периода «холодной войны», но и для объяснения политики в условиях современного обострения международной обстановки.

Ключевые слова: разоружение, «разрядка», Московский договор, «ялтинская система» международных отношений, Франция, голлизм.

FRANCE AND DISARMAMENT ISSUES (1958–1974)

E. Osipov*Institute of World History, Russian Academy of Sciences
32a, Leninskiy prospect, Moscow, 119332, Russian Federation*

Abstract. The aim of the article is to analyze the evolution of the French policy in matters of arms reduction during the presidency of Charles de Gaulle and Georges Pompidou. Based on the materials of the archive of the Ministry of Foreign Affairs of France, most of which have not been put into scientific circulation either in Russian or in foreign historiography, the text shows the reasons for the formation and peculiarities of Paris's special policy in the field of disarmament. The study confirms that the position of France, which refused to participate in all major arms reduction projects, was explained by the détente's essence and disarmament issues understanding different from the standpoint of the USSR and the United States. For Moscow and Washington, détente meant consolidating the status quo that developed after the Second World War, and arms reduction, respectively, was invariably planned on a balanced and block basis.

© СС ВУ Осипов Е.А., 2018.

France, which aspired just to overcome the Yalta system of international relations, rejected Soviet-American initiatives to reduce armaments because of their bipolar nature. The conclusions drawn in the article are relevant not only for the Cold War period, but also for the current aggravation of the international situation.

Key words: Disarmament, détente, Moscow Treaty, Yalta system of international relations, France, Gaullism.

Голлизм как внешнеполитическая доктрина строился на идее «величия», то есть возвращении Франции самостоятельной роли в международных отношениях [1, с. 168–172]. Проведение подлинно независимой политики в условиях «холодной войны» ставило перед Францией очевидную задачу по выстраиванию собственной системы безопасности. Она основывалась прежде всего на двух аспектах: во-первых, обладание собственными ядерными силами, во-вторых, наличие достаточного военного потенциала для самостоятельной защиты собственных границ. Известно, что при реализации поставленных целей де Голль сначала предпринял попытку перераспределения ролей и обязанностей внутри НАТО в надежде повысить статус Франции до уровня Великобритании. Однако, не добившись от Вашингтона и Лондона желаемого, Париж в итоге взял курс на выход из военной организации НАТО и добился вывода американских войск с территории Франции [4, с. 237]. Учитывая разницу в военных потенциалах между Францией и двумя сверхдержавами, Париж мог самостоятельно обеспечить защиту собственных границ только с помощью создания национальных ядерных сил.

Разработка ядерного оружия во Франции началась еще во времена Четвертой республики. С приходом де Голля к власти в 1958 г. французский ядерный проект приобретал совер-

шенно иное значение. В период Четвертой республики ядерное оружие рассматривалось не как часть подлинно независимой системы обороны, а как средство для повышения роли Парижа в ЕЭС и НАТО [11, р. 47]. Для де Голля же, воспринимавшего атомное оружие как необходимый инструмент для возвращения Франции подлинной независимости, ядерный проект – приоритетное направление всей государственной политики. Учитывая необходимость создания именно национальных ядерных сил, Франция при де Голле отказалась от существовавших в период Четвертой республики совместных ядерных проектов с Италией и ФРГ, равно как и от идей помощи Израилю в разработке ядерного оружия. Первое испытание французской ядерной бомбы состоялось 13 февраля 1960 г.

Вхождение Франции в элитный клуб ядерных держав резко повысило международный статус Пятой республики, но при этом привело к ослаблению отношений с союзниками по западному блоку и к ухудшению репутации Франции в мире. В тот период СССР постепенно сокращал свое отставание от США в военной мощи и был близок к достижению военно-стратегического паритета. В связи с этим все чаще звучали призывы к сдерживанию гонки вооружений и постепенному переходу к пропорциональному разоружению. Еще в марте

1957 г. Москва выступила с инициативой запрещения ядерных испытаний. Для Франции подобное предложение было явно несвоевременным. Запрет ядерных испытаний мог привести не к ядерному разоружению, а к монополизации ядерного оружия и к закреплению военного лидерства трех уже существовавших атомных держав: СССР, США и Великобритания. Франция, тогда только готовившаяся войти в элитный клуб, отказалась поддержать инициативу Москвы. В дальнейшем Париж не изменит своей позиции, и договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой был подписан в Москве 5 августа 1963 г. без участия Франции.

В переговорах, предшествовавших подписанию документа, обе сверхдержавы предпринимали попытки все же уговорить Париж изменить свое мнение. В частности, 24 июля 1963 г. Джон Кеннеди предлагал де Голлю в обмен на его согласие подписать договор поделиться с французской стороной данными об американских испытаниях в атмосфере [11, р. 159]. Однако подобная сделка не устроила французского президента. Он считал, что даже при наличии желания президент США не сможет передать секретные данные французской стороне, да и в наличии такого желания де Голль тоже сомневался. В любом случае использование американских данных без возможности их проверить в экспериментальных условиях явно противоречило самой идее создания национальных ядерных сил. Что же касается отношения де Голля в целом к Московскому договору 1963 г., то оно было четко сформулировано во время пресс-конференции 29

июля 1963 г.: «Ничто не мешает двум сверхдержавам после приостановки испытаний продолжать производить все более и более мощные снаряды во все большем количестве и разрабатывать все более совершенные средства доставки... Поэтому, я говорю это открыто, Московский договор имеет мало практического смысла... И это причина, по которой договор, несмотря на одобрение со стороны Франции, вызывает также нашу настороженность» [11, р. 160].

Отказ Франции от подписания договора о запрете ядерных испытаний и создание собственных ядерных сил имел и серьезные последствия для политики Пятой республики. Отношения между Парижем и Вашингтоном заметно ухудшились, де Голль окончательно отказался от попыток повышения статуса Франции в Североатлантическом альянсе до уровня Великобритании и взял курс на выход из военной организации НАТО. Отсутствие французской подписи под Московским договором и разногласия между Парижем и двумя сверхдержавами привели к ужесточению французской политики в области безопасности и обороны, к окончательной выработке французской позиции по разоружению и даже к некоторой самоизоляции Франции в этом вопросе.

Голлистское видение проблемы разоружения стало прямым следствием французского понимания разрядки. Руководство Пятой республики рассматривало разрядку как средство для изменения сложившегося в Европе «статус-кво», для преодоления «Ялты». Исходя из этого, голлистская концепция сокращения вооружений отвергала идеи блокового разоруже-

ния под контролем СССР и США. В Париже опасались, что возможное сближение позиций между Москвой и Вашингтоном приведет не к реальному разоружению, а к монополизации ядерного оружия, укреплению биполярной системы и, как следствие, к установлению американско-советского кондоминиума над Европой и перемещению зон опасности в мире, одной из которой в таком случае становилась Западная Европа. Отвергая все проекты блокового разоружения в Европе, Франция при де Голле выступала против идеи внешнего контроля за вооружением, поскольку, во-первых, не верила в его эффективность в условиях «холодной войны», а во-вторых, считала стопроцентный контроль за собственными вооруженными силами, без внешнего вмешательства, ключевым условием проведения независимой политики. Также Париж выступал за отказ от дискриминации и отстаивал принцип равенства в переговорах по разоружению, что предполагало как невозможность блокового сокращения вооружений, так и необходимость учитывать интересы всех участвующих в переговорах стран, а не только сверхдержав. Особую позицию Париж занимал относительно ядерного разоружения. В целом руководство Пятой республики высказывалось в пользу ядерного разоружения, но только при условии участия всех ядерных стран. В дальнейшем при появлении все новых проектов по сокращению вооружений позиция Франции постепенно конкретизировалась, первоначальная концепция при этом не менялась.

Как и в случае с созывом общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству, инициатива прове-

дения в жизнь различных проектов по разоружению часто исходила от стран Восточной Европы. В первой половине 60-х гг. широко обсуждался так называемый план министра иностранных дел Польши Адама Рапацкого по созданию безъядерной зоны в Центральной Европе. Впервые он был озвучен Рапацким на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2 октября 1957 г. Тогда речь шла о создании безъядерной зоны на территории ФРГ, ГДР и Польши [3, с. 134]. Изначально проект был достаточно обтекаемым и не содержал большого количества подробностей. В дальнейшем министром иностранных дел Польши были озвучены еще три версии этого плана, дополнявшие друг друга. В феврале 1958 г. территория безъядерной зоны в Центральной Европе была расширена за счет Чехословакии. Этот вариант плана предполагал обязательство всех ядерных держав «не производить, не держать и не ввозить» ядерное оружие на территорию безъядерной зоны, а также создание «широкой и эффективной» [8] системы контроля за выполнением обязательств.

В ноябре 1958 г. Рапацкий представил обновленную версию проекта, в которой процесс разоружения в Центральной Европе делился на два этапа. На первой стадии планировалось осуществить запрет на производство ядерного оружия на территории четырех государств, то есть речь шла о «замораживании» ядерных сил внутри обозначенной зоны. И только второй этап предполагал создание подлинной безъядерной зоны в Центральной Европе, а также начало «дискуссии по одновременному сокращению обычных вооружений» на территории ФРГ,

ГДР, Польши и Чехословакии. В марте 1962 г. Адам Рапацкий представил четвертую версию плана, которая не содержала в себе новых компонентов, но была наиболее подробной. В частности, в ней более детально прописывался механизм контроля за выполнением обязательств. Планировалось создание специальной международной системы наземного и воздушного контроля и инспекции с учреждением контрольных пунктов.

План Рапацкого был настолько амбициозным, что, очевидно, содержал в себе не только практические, но и психологические элементы, направленные на улучшение имиджа стран социалистического лагеря. Его полная реализация была невозможна, как минимум, до решения берлинского и в целом германского вопросов. Столкнувшись с негативной оценкой своих предложений на Западе, особенно в ФРГ, польское руководство в декабре 1963 г., на этот раз уже на уровне главы Польши Владислава Гомулки, выступило с новым предложением по разоружению, которое можно назвать умеренным вариантом плана Рапацкого. Не отвергая возможность реализации амбициозных идей Рапацкого в будущем, Гомулка предложил пока ограничиться «замораживанием» ядерных вооружений в Центральной Европе, то есть запретом для ядерных держав на увеличение ядерного потенциала на территории четырех государств. Таким образом, проект Гомулки представлял собой первый этап плана Рапацкого.

План Гомулки был детально представлен французской стороне в ходе разговора заместителя министра иностранных дел Польши Марьяна Нашковского и министра иностранных

дел Франции Мориса Кув де Мюрвиля 11 февраля 1964 г. Саму необходимость реализации подобного плана Варшава традиционно обосновывала угрозой реваншистских настроений в ФРГ и, соответственно, необходимостью помешать Бонну нарастить военный потенциал и, что самое главное, не допустить получения ФРГ ядерного оружия. Однако в разговоре с Кув де Мюрвилем Нашковский привел и другие аргументы, более близкие французской стороне. Он отметил, что предлагаемый проект является чисто польским и что его поддержка со стороны западных стран «поможет Польше утвердиться в проведении независимой национальной политики», как того требует польское общественное мнение [8]. Более того, в этом же разговоре заместитель министра иностранных дел Польши приветствовал установление дипломатических отношений между Францией и Китаем, назвав это «доказательством реализма» и отметив, что Варшава «положительно оценивает любые действия, направленные на уменьшение изоляции КНР» [8]. Однако, несмотря на подобную аргументацию польской стороны, Франция заняла отрицательную позицию по отношению к плану Гомулки и ко всем версиям проекта Рапацкого.

Французская позиция основывалась на том, что ФРГ на том этапе своего развития не представляла военной угрозы миру, а обвинения в реваншизме, постоянно звучавшие со стороны стран социалистического лагеря, были, по мнению Парижа, несостоятельны. Кув де Мюрвиль отметил в выше упомянутом разговоре, что в Европе только одна военная сверхдержава – СССР. В связи с этим, по мнению

Парижа, создание безъядерных зон в Центральной Европе с последующей возможностью превращения ФРГ в нейтральное государство («финляндизация ФРГ») должно было привести не к разрядке международной напряженности, а к увеличению влияния Москвы на Бонн и, как результат, к новому Рапалло. Поэтому требовалась не «нейтрализация» ФРГ, а ее включение в интегрированные структуры ЕЭС и НАТО. Во Франции также полагали, что польские предложения во многом являются пропагандистскими и направлены большей степенью на завоевание общественной поддержки. В разговоре с Нашковским Кув де Мюрвиль отметил, что «польский план не более чем видимость, в которой психологии больше, чем политики» [8].

Тема сокращения вооружений неразрывно связана с деятельностью ООН. Проблема разоружения рассматривалась на всех сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. В 1952 г. была создана специальная комиссия ООН по разоружению, а в 1959 г. учрежден так называемый комитет 10-ти. Важным событием в истории разоружения стали советско-американские переговоры 1961 г. между заместителем министра иностранных дел СССР В.А. Зориным и советником президента США Джона Кеннеди Д. Макклоем. Их цель заключалась в попытках найти пути решения проблемы всеобщего и полного разоружения и договориться о составе органа, в котором будут продолжаться переговоры по этой проблеме. Таким органом стал учрежденный в рамках ООН в 1961 г. и начавший свою деятельность в 1962 г. Комитет 18-ти (пять стран ОВД, пять стран НАТО и 8 государств из числа «неприсоединив-

шихся»). В рамках этого комитета, заседавшего в Женеве, обсуждались все основные вопросы по разоружению, включая договор о нераспространении ядерного оружия.

Франция отказалась от участия в работе комитета 18-ти. Подобное решение объяснялось, прежде всего, тем, что сопредседателями комитета выступили СССР и США, они же определяли круг решаемых вопросов. Помимо традиционных для Франции опасений по установлению советско-американского кондоминиума де Голля не устраивало еще и то, что комитет был создан в рамках ООН. Французское руководство считало, что решать проблемы разоружения можно только в узком составе, ООН же не подходила для подобной цели [11, р. 377].

Добровольно отказавшись от участия в работе комитета 18-ти, Париж тем не менее пристально следил за его деятельностью. В записках МИД Франции постоянно отмечалась бесперспективность обсуждаемых комитетом вопросов. Так, французские дипломаты писали о том, что работа комитета «зашла в полный тупик», называли переговоры между советской и американской делегациями «диалогом глухих» и предрекали возможное упразднение комитета [6]. Несмотря на скептицизм французской стороны, определенного прогресса участникам удалось добиться, особенно в подготовке договора о нераспространении ядерного оружия.

Подготовка договора о нераспространении ядерного оружия, ставшего логичным продолжением Московского договора 1963 г., превратилась в центральную тему в работе женевского Комитета 18-ти. Позиция Франции

по этому вопросу оказалась довольно противоречивой. Если отказ Парижа от подписания договора о запрещении ядерных испытаний можно легко объяснить желанием Пятой Республики развивать собственные ядерные силы, то мотивы неучастия Франции в переговорах о нераспространении ядерного оружия понять гораздо сложнее.

На официальном уровне французское руководство всегда высказывалось против расширения круга ядерных держав и в целом поддерживало идею ядерного разоружения. Более того, руководство Пятой республики неоднократно заявляло, что ядерное разоружение – главная составляющая политики сокращения вооружений. В 1964 г. де Голль в письме премьер-министру КНР Чжоу Эньлаю писал, что Франция «в любой момент готова участвовать в полноценных и серьезных переговорах, которые могли бы быть организованы между всеми ядерными державами для обсуждения на конструктивной и практической основе проблем разоружения» [6]. В этой фразе компактно изложена вся суть французской позиции по ядерному разоружению. В Париже считали, что начавшиеся в рамках Комитета 18-ти переговоры под руководством Москвы и Вашингтона преследуют цель не подлинного ядерного разоружения, а фиксации монополии двух сверхдержав на атомное оружие. Полноценные же переговоры по ядерному разоружению могли проходить только между всеми ядерными державами, имея в виду прежде всего Китай, который к тому времени уже провел испытание своей бомбы.

Комитет 18-ти, по мнению французской стороны, был не способен вести конструктивные переговоры,

особенно учитывая, что официальный Пекин на тот момент не был представлен в ООН. Выше сформулированная позиция оставалась неизменной на протяжении долгого периода. Так, например, в 1968 г. Эрве Альфан в одной из своих телеграмм снова приводил уже знакомые аргументы: «Хотя мы и убеждены, что любое соглашение между США и СССР об ограничении роста вооружений способствует разрядке, мы все же считаем, что это нельзя назвать полноценным разоружением... Настоящее ядерное разоружение начнется только в тот момент, когда все державы, обладающие ядерным оружием, соберутся для принятия конкретных мер по его уничтожению» [6].

Несмотря на отсутствие Франции за столом переговоров, участники Комитета 18-ти постепенно согласовывали условия договора о нераспространении ядерного оружия. Первый вариант текста был готов к началу 1967 г. Он предполагал обязательство ядерных держав не передавать напрямую или косвенно секрет атомной бомбы другим странам; отказ стран, не обладающих ядерным оружием, от производства и от попыток получения доступа к ядерному оружию; контроль за неядерными странами со стороны МАГАТЭ. После длительных дискуссий и некоторых изменений текста, договор о нераспространении ядерного оружия был принят 11 марта 1968 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В ходе подготовки документа представители и США, и СССР предпринимали попытки привлечь Париж к переговорному процессу. Франция, поддерживая идею нераспространения ядерного оружия, все-таки воздержалась от голосования.

1 июля 1968 г. правительство СССР направило западным странам, в том числе и Франции, меморандум с новыми идеями по разоружению, направленными на развитие договора о нераспространении. Меморандум содержал в себе идею запрета на использование ядерного оружия, прекращения производства и ликвидации складов с ядерным оружием, запрета на полеты с атомным оружием за пределы государственной границы, запрещения подземных испытания ядерного оружия, запрещения использования химического и бактериологического оружия, упразднения военных баз за границей, введения мер по региональному разоружению, включая создание безъядерных зон [6]. Французский ответ на советский меморандум содержал традиционные для Пятой республики заверения в необходимости разоружения и необходимости полного отказа от ядерного оружия. Франция с удовлетворением отметила, что советский меморандум предполагает распространение его условий на все ядерные державы и поддержала запрет химического и бактериологического оружия. При этом во французском ответе ничего не было сказано про предложение Москвы о создании безъядерных зон и упразднении военных баз за границей [6]. Учитывая резко негативное отношение Парижа к планам Рапацкого и Гомулки и наличие французских баз в ФРГ и Берлине, такая позиция была логична.

Итак, на официальном уровне Париж поддерживал идею ядерного разоружения при условии участия всех ядерных держав. Положительно относились во Франции и к мерам по нераспространению ядерного оружия,

и к решению Бонна о присоединении к договору 1968 г. Тем не менее французская делегация воздержалась от голосования в ООН по этому договору и не присоединилась к нему впоследствии. Подобная позиция руководства Пятой республики, видимо, объясняется соображениями принципиального и стратегического характера. На принципиальном уровне Франция не поддерживала американско-советские попытки по разоружению, поскольку они вели к укреплению гегемонии двух сверхдержав и установлению двустороннего condominiuma над Европой. Что же касается стратегических соображений, то договор о нераспространении ядерного оружия, так же как и Московский договор о запрете ядерных испытаний, рассматривались Парижем как путь к постепенному отказу от ядерного оружия. Франция же, несмотря на официальную поддержку полного отказа от атомных бомб, на самом деле была заинтересована в сохранении ядерного оружия. Наличие национальных, автономных ядерных сил давало Парижу неоспоримое преимущество в проведении независимой политики, особенно в Европе. Повсеместный отказ от ядерного оружия, напротив, привел бы к изменению европейского баланса и усилил позиции ФРГ.

Досрочный уход генерала де Голля с поста президента Франции и избрание в качестве главы государства Жоржа Помпиду в 1969 г. не повлияли на французскую политику в области разоружения. Внешнеполитическая доктрина Помпиду, считавшего себя голлистом, в некоторых аспектах отличалась от курса де Голля. Однако в области разоружения Помпиду

продолжал следовать классическому голлизму. Отметим, что политика, проводимая Парижем по вопросу сокращения вооружений, характеризуется преемственностью на протяжении всего периода Пятой республики.

Выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 24 сентября 1969 г., новый министр иностранных дел Франции Морис Шуман коротко описал основы французской политики в области разоружения, оставшиеся неизменными после смены хозяина Елисейского дворца. В достаточно откровенной манере М. Шуман заявил: «Мировая безопасность не может и не должна подменяться желанием сохранить хрупкое равновесие между несколькими государствами, имеющими ядерное оружие. Исходя из этого, разоружение не может, по нашему мнению, ограничиваться мерами частичного характера, единственным следствием которых станет установление монополии ядерных держав. Разоружение также не может ограничиться двусторонними соглашениями, которые, пусть и полезны для разрядки, нацелены на замедление роста вооружений в странах, которые и так уже перевооружены... Мы бы хотели, чтобы подлинное разоружение началось с переговоров между всеми ядерными державами и чтобы под строгим и эффективным контролем эти переговоры привели к устранению возможности доставки ядерного оружия и уничтожению арсеналов» [6]. Таким образом, французские правящие круги по-прежнему считали, что начатый под руководством Москвы и Вашингтона переговорный процесс по сокращению вооружений нацелен не на подлинное разоружение, а на сокращение воен-

ных расходов, монополизацию ядерного оружия и фиксацию сложившегося после Второй мировой войны статус-кво. При этом французы выражали готовность участвовать в дискуссии при определенных условиях. В телеграмме директора политического департамента МИД Франции Бомарше от 20 мая 1969 г. указываются четыре сферы, в обсуждении которых Франция была готова принять участие: рассмотрение мер, направленных на исключение возможности ядерного удара по ошибке; изучение условий, при которых подлинное ядерное разоружение могло бы быть принято всеми ядерными державами и поставлено под эффективный контроль; рассмотрение вопроса о запрещении производства химического и бактериологического оружия; изучение мер по ограничению поставок оружия в регионы, где это может привести к риску вооруженных конфликтов или к продлению уже существующих конфликтов. Исходя из перечисленных пунктов, понятно, что Франция была готова участвовать не в переговорах по разоружению, а скорее по разработке мер обеспечения безопасности в мире при существовавшем уровне вооружений.

В период президентства Помпиду широко обсуждались два проекта по разоружению: советско-американский по ограничению стратегических вооружений и предложение о взаимном и сбалансированном сокращении вооружений в Центральной Европе.

Идея двусторонних переговоров между Москвой и Вашингтоном по стратегическим вооружениям появилась еще в 1968 г. Непосредственные контакты между сторонами начались в 1969 г., предварительные условия до-

говора были согласованы в 1971 г., и 26 мая 1972 г. в Москве был подписан договор ОСВ-1. Отношение Франции к подписанию подобного документа и всему переговорному процессу было предсказуемым. С французской точки зрения ОСВ-1 нельзя было назвать шагом к разоружению, поскольку это был двусторонний документ. Однако договоренность между двумя сверхдержавами по стратегическим вооружениям объективно способствовала разрядке напряженности, что предопределило в целом положительное отношение Парижа к договору. В ноябре 1969 г., в начале американско-советского переговорного процесса, в коммюнике правительства Франции отмечалось, что Париж «с интересом следит за переговорами и желает им благоприятного исхода» [9, р. 20]. А вскоре после подписания договора в очередном правительственном коммюнике было прописано, что он «внесет важный вклад в установление климата разрядки и сотрудничества в мире» [9, р. 21]. Несмотря на официальную положительную оценку со стороны Франции договора ОСВ-1, сам факт его подписания имел ряд серьезных последствий и для французской, и в целом европейской, концепции безопасности.

В практическом смысле советско-американские переговоры по ограничению стратегических вооружений поднимали чувствительный для Западной Европы вопрос о присутствии американских войск в Европе. Несмотря на планы по развитию собственно европейской системы обороны и членство всех стран ЕЭС в НАТО, именно американская армия играла ключевую роль в системе западноевропейской обороны, и в ближайшее время эта си-

туация измениться не могла. Помпиду, отказавшись от возвращения в военную организацию НАТО, тоже считал американское присутствие в Европе необходимым. В ходе своего первого официального визита в качестве президента страны в США в 1970 г. он отметил, что численность американских войск в Европе должна сохраниться на «значительном» уровне. Переговоры между Москвой и Вашингтоном и их положительный исход в совокупности со все громче звучавшими голосами внутри США за вывод войск из Европы беспокоили европейцев. Как уже упоминалось, одним из главных мотивов отказа де Голля от участия в политике разоружения стали опасения, что договоренности между Москвой и Вашингтоном о пропорциональном сокращении вооружений в конечном счете приведут к перемещению зон опасности в мире, и такой зоной как раз станет Европа. Подписанный в мае 1972 г. договор ОСВ-1 оживлял эти опасения.

В более широком смысле договор ОСВ-1 был первым подтверждением возможности установления американско-советского кондоминиума над Европой. Следствием этого стали серьезные изменения европейской и французской политики. Сближение между СССР и США сыграло важную роль в охлаждении отношений Парижа как с Москвой, начиная с конца 1972 г., так и с Вашингтоном, особенно начиная с 1973 г. Что касается политики ЕЭС, то двусторонние действия США и СССР в итоге подтолкнули страны европейской «шестерки» (с 1973 г. – «девятки») к развитию политической интеграции, что стало особенно заметно в ходе европейских саммитов в

Париже в 1972 г. и Копенгагене в 1973 г. На парижском саммите страны ЕЭС договорились о создании к 1980 г. Европейского Союза. А на саммите в Копенгагене по инициативе французской стороны они приняли декларацию о «европейской общности», в которой содержались принципы общей политики будущего Европейского Союза. Таким образом, переговоры между СССР и США по стратегическим вооружениям, закончившиеся подписанием договора ОСВ-1, хотя и были поддержаны европейцами, в том числе и французами, на самом деле подтвердили ряд серьезных европейских опасений и подтолкнули ЕЭС к развитию политической интеграции, инициатором которой в 1972–1973 гг. выступила Франция.

Еще одной важной темой переговоров по разоружению в первой половине 70-х гг. XX в. стал американский проект о сокращении обычных вооружений в Европе. По очевидным экономическим причинам и Вашингтон, и Москва были заинтересованы в пропорциональном уменьшении военных бюджетов. По мнению известного французского дипломата Жака Андреани, США были заинтересованы в подобном проекте еще и по внутриполитическим причинам. Достаточно влиятельное меньшинство в конгрессе США под руководством демократа Майка Мэнсфилда строило свою риторику на требовании вывода американских войск из Вьетнама и из Европы. Эти идеи ложились на благоприятную почву и постепенно набирали популярность в американском обществе. Генри Киссинджер надеялся с помощью проекта по сокращению обычных вооружений включить тему снижения

американского присутствия в Европе в контекст международной политики. В таком случае речь могла бы идти не об одностороннем выводе войск США из Европы, что изменило бы баланс сил в пользу стран социалистического лагеря и ухудшило бы отношения с западными союзниками, а о пропорциональном сокращении численности войск, что как раз помогло бы сократить военный бюджет, не нарушив баланса сил [5, р. 55]. В итоге в коммюнике по итогам саммита НАТО в Рейкьявике в 1968 г. содержался призыв к взаимному и сбалансированному сокращению вооружений в Центральной Европе. Положительный ответ Москвы на американское предложение последовал в 1971 г. В отчетном докладе XXIV съезду КПСС Л.И. Брежнев выступил [2] с традиционными предложениями по запрету ядерного, химического и бактериологического оружия, испытаний ядерного оружия, ликвидации иностранных военных баз, добавив, что «СССР выступает за сокращение вооруженных сил в районах, где военное противостояние особенно опасно, прежде всего в Центральной Европе». Также Л.И. Брежнев отметил, что «СССР готов договариваться о сокращении военных расходов, прежде всего с крупными государствами». Впоследствии началась длительная дискуссия о взаимосвязи вопроса о разоружении и проведения общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству.

В результате соглашения между Л.И. Брежневым и Г. Киссинджером от 12 сентября 1972 г. был утвержден так называемый «календарь», предполагавший параллельность двух процессов. Согласно календарю, переговоры

по взаимному и сбалансированному сокращению вооружений в Центральной Европе должны были начаться в Вене 31 января 1973 г., вскоре после начала предварительной стадии СБСЕ. В переговорах участвовали четыре страны ОВД: СССР, Польша, Чехословакия и ГДР; семь стран НАТО: США, Канада, Великобритания, ФРГ, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Еще восемь государств приняли участие в качестве наблюдателей. Географически речь шла о сокращении вооружений на территории ФРГ, ГДР, Польши, Чехословакии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Изначальное предложение стран социалистического лагеря предполагало сокращение численности войск и вооружений в Центральной Европе сначала на 5%, затем на 10%. Причем речь шла как о национальных, так и иностранных силах, воздушных и сухопутных войсках, обычном и ядерном вооружении. Западное предложение включало в себя установление «потолка» численности вооруженных сил для каждого блока в согласованной зоне – по 700 тыс. чел. При этом на первом этапе западные державы предлагали сократить советский контингент на 68 тыс. чел., а американский – на 28 тыс. чел. Асимметрия объяснялась разницей в количестве войск в указанной зоне на исходный момент времени: 460 тыс. советских солдат против 193 тыс. американских [7].

Что касается французской позиции, то с самого начала переговорного процесса, то есть с коммюнике Рейкьявика, Париж занял отрицательную позицию и объявил о решении не участвовать в переговорах. Выступая 19 июня 1973 г. в Национальной Ассамблее, министр

иностраннных дел Франции Мишель Жобер сказал: «Франция, как вы знаете, не участвует в этих переговорах. Почему? Прежде всего потому, что не стоит внутри Европы, уже и так достаточно разделенной, создавать еще одну зону со специальным статусом, которая будет сама по себе еще одним фактором разделения... Вдобавок, есть ли те, кто не видят опасности в переговорах, которые постепенно продвигаясь, поставят в конечном счете под вопрос наши вооруженные силы и наши аргументы, которые мы пытаемся сохранить свободными... Поскольку, если мы считаем, что переговоры могут привести к краху западной системы безопасности, то для нас особенно важно, чтобы они не затронули нашей способности защитить собственную территорию» [10, р. 2261].

В целом французская позиция основывалась на нескольких соображениях. Во-первых, в Париже не понимали, как переговоры по взаимному сокращению войск могут укрепить европейскую безопасность. Во-вторых, французы считали, что в Европе уже сложился определенный баланс, а переговоры по созданию специальных зон могут этот баланс нарушить, что отрицательно скажется на европейской безопасности [7]. Руководство Пятой республики также полагало, что сам факт начала переговоров уже является тактической ошибкой Запада. Дело в том, что, как уже упоминалось выше, на тот момент в Центральной Европе у СССР было достаточно серьезное преимущество в численности войск. Именно поэтому первоначальный вариант западных держав предполагал асимметричное сокращение войск для выравнивания баланса.

В Париже полагали, что Западу не удастся добиться согласия Москвы на невыгодные для нее действия. В итоге западные страны окажутся перед тяжелым выбором между пропорциональным сокращением войск и закреплением, таким образом, неблагоприятной для себя ситуации или выходом из переговорного процесса, что было бы отрицательно воспринято общественным мнением [7]. Основываясь на подобной аргументации, Париж отклонил все попытки с обеих сторон вовлечь себя в переговорный процесс. А в справке МИД Франции от 28 января 1974 г. было прописано, что «нет никакого резона менять позицию, защищающую нашу политическую и военную независимость, и которая, если наши европейские партнеры к ней присоединятся, однажды сделает возможным создание настоящего и автономного Европейского Союза [7].

Таким образом, в 60-е – первой половине 70-х гг. XX в. Франция отвергла все крупные международные проекты по разоружению. Пятая республика не подписала Московский договор о запрещении ядерных испытаний и договор о нераспространении ядерного оружия. Воздержалась от участия в так называемом Комитете 18-ти и в венских переговорах по взаимному и сбалансированному сокращению вооружений в Центральной Европе. Даже двусторонний советско-американский договор ОСВ-1, поддержанный на официальном уровне Парижем, в действительности вызвал достаточно резкое изменение французской политики и как следствие привел к ухудшению отношений Франции с СССР и США.

Жесткая, бескомпромиссная позиция Парижа объясняется прежде

всего особым, отличным от Москвы и Вашингтона, пониманием сущности разрядки и проблемы сокращения вооружений. СССР и США видели в разоружении главный аспект разрядки. С помощью пропорционального сокращения вооружений и расходов на оборону они рассчитывали при снижении затрат зафиксировать свое исключительное положение и добиться монополизации ядерного оружия. Франция же, воспринимавшая разрядку в качестве средства для преодоления сложившегося после Второй мировой войны статус-кво, отвергла исходившие и от Москвы, и от Вашингтона проекты по разоружению из-за того, что все они носили биполярный характер, а значит, противоречили голлизму.

Для Франции в целом проблема разоружения не была важной составляющей разрядки. На официальном уровне Париж поддерживал инициативы по глобальному сокращению вооружений, а ядерное разоружение называл важнейшей составляющей обеспечения мира и безопасности. В действительности большинство французских инициатив ограничивались лишь мерами по обеспечению безопасности при уже сложившемся уровне вооружения в мире. Особый статус Франции как ядерной державы и страны, сохранившей автономию в управлении собственной армией, давал ей серьезное преимущество в проведении европейской политики и, в конечном счете, давал надежду на реализацию голлистских внешнеполитических задач. Полноценное разоружение, включая отказ от ядерного оружия, лишило бы Францию основных преимуществ и сделало бы ее позиции уязвимыми, прежде всего в отношениях с ФРГ, зна-

чительно превосходившей Францию по уровню промышленного развития. Таким образом, в действительности руководство Пятой республики было не готово к конкретным шагам по полноценному разоружению. В итоге, сыграв важную компромиссную роль в переговорах по таким важным проблемам международных отношений, как берлинский вопрос и подписание

Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в вопросах сокращения вооружений Франция не воспользовалась своим особым положением внутри западного блока и налаженными контактами с Москвой и по сути устранилась от переговорного процесса.

Статья поступила в редакцию 13.09.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Арзаканян М.Ц. Де Голль. М.: Молодая гвардия, 2007. 268 с.
2. Брежнев Л.И. Отчетный доклад XXIV съезду КПСС: аудиозапись // Репортаж [сайт]. – URL: <http://reportage.su/audio/551> (дата обращения: 21.08.2018).
3. Егорова Н.И. Реакция миролюбивой общественности на первые инициативы по созданию безъядерных зон // Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов. М.: Весь Мир, 2017. С. 129–151.
4. Улунян А.А. Послепражский 1969-й: Советские дипломатия и разведка в поисках союзников и противников на Балканах и в европейском Средиземноморье. М.: ЛЕНАНД, 2016. 400 с.
5. Andreani J. La Piège. Helsinki et la chute du communisme. Paris: Odile Jacob, 2005. 272 p.
6. Archives du ministère des affaires étrangères. Europe. URSS. № 3676.
7. Archives du ministère des affaires étrangères. Europe. URSS. № 3688.
8. Archives du ministère des affaires étrangères. Service des pactes. 1961-1970. № 400.
9. Evolution de la position française sur le contrôle et la limitation des armes nucléaires / sous la dir. de Bureau J.-R., Sada H. Paris: Flammarion, 1985. 249 p.
10. Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Assemblée Nationale. 1973. 20 juin.
11. Vaisse M. La grandeur. Politique étrangère du général de Gaulle. Paris: CNRS Editions, 2013. 733 p.

REFERENCES

1. Arzakanyan M.Ts. De Goll' [De Gaulle]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2007. 268 p.
2. Brezhnev L.I. Otchetnyi doklad XXIV s'ezdu KPSS: audiozapis' [The report of the XXIV Congress of the CPSU]: recording. In: Reporting [website].] Available at: <http://reportage.su/audio/551> (accessed: 21.08.2018).
3. Egorova N.I. Reaktsiya mirolyubivoi obshchestvennosti na pervye initsiativy po sozdaniyu bez"yadernykh zon [The reaction of the peace-loving public on the first initiatives to create nuclear-free zones]. In: *Obespechenie mezhdunarodnoi bezopasnosti v usloviyakh kholodnoi voyny: poiski soglasovannykh podkhodov* [International security in the context of the cold war: the search for agreed approaches]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2017, pp. 129–151.
4. Ulunyan A.A. Posleprazhskii 1969-i: Sovetskie diplomatiya i razvedka v poiskakh soyuznikov i protivnikov na Balkanakh i v evropeiskom Sredizemnomor'e [The after-Prague year of 1969: Soviet diplomacy and intelligence in search of allies and adversaries in the Balkans and in the European Mediterranean]. Moscow, LENAND Publ., 2016. 400 p.
5. Andreani J. La Piège. Helsinki et la chute du communisme. Paris, Odile Jacob, 2005. 272 p.

6. Archives du ministère des affaires étrangères. Europe. URSS. № 3676.
 7. Archives du ministère des affaires étrangères. Europe. URSS. № 3688.
 8. Archives du ministère des affaires étrangères. Service des pactes. 1961–1970. No. 400.
 9. Evolution de la position française sur le contrôle et la limitation des armes nucléaires / sous la dir. de Bureau J.-R., Sada H. Paris, Flammarion, 1985. 249 p.
 10. Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Assemblée Nationale. 1973. 20 Juin.
 11. Vaisse M. La grandeur. Politique étrangère du général de Gaulle. Paris, CNRS Editions, 2013. 733 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Осипов Евгений Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук;
e-mail: eaossipov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny A. Osipov – PhD in History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences;
e-mail: eaossipov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Осипов Е.А. Франция и вопросы разоружения (1958–1974 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 101–115.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-101-115

FOR CITATION

Osipov E. France and Disarmament Issues (1958–1974). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 101–115.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-101-115